Автор: Оргкомитет
18.12.2015 20:00

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2015" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2015 года.

1 место

Конкурсное произведение 50. "Не навсегда"

Она верит:
Летать – это очень просто, главное – окрылиться.
Какое дело пространству, что ты не птица?
Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,

дерзкое, бесшабашное!?
Над замыслом покумекав,
мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:
Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...
И мы парим – над розовыми церквями,
зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:
Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник - в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует
летящего
человека...
Она плачет:
Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!!
Да, говорит Марк. Если не навсегда...

2 место

Конкурсное произведение 298. "Аюттайя"

Гору накрыло небо – хрустальный панцирь, вырос под небом город – и стал великим. Будды сжимали лотосы в тонких пальцах, Будды хранили мир в узкоглазых ликах. Пламя пришло внезапно и отовсюду, пламя плясало ярким священным цветом. Отсвет огня ложился на плечи Буддам, Будды не отворачивались от света.

Город лежал в руинах пяти столетий, люди ступали в обуви на пороги, верили: боги счастливы, если где-то свергнуты с пьедесталов чужие боги. Город лежал открытой смертельной раной, пачкая кровью складки своей постели. Люди входили в боль закопчённых храмов. Буддам в глаза, наверное, не смотрели.

Камень одним ударом не переломишь – камень, рождённый миром в его начале. Люди рубили яростно и наотмашь, Будды сжимали лотосы и молчали. Если безумью в мире дано свершиться, то и дела во славу его свершатся. Люди рубили по узкоглазым лицам, по головам, плечам, по цветам и пальцам...

Город лежит под небом семи столетий, город под пеплом выжил в эпоху мрака. Тот, кто смотрел в глаза неизбежной смерти, смотрит на мир без жалобы и без страха. Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый. Будды хранят Вселенную, как умеют – сотни безруких и безголовых статуй.

3 место

Конкурсное произведение 54. "Папе"

Расплескалось детство рекой молочной. Понедельник – манный, четверг – творожный.
Не разбить бы то, что и так непрочно, не спугнуть движеньем неосторожным.
– Было, папа! – Санки. – Нале-направо! И об лёд – на выдохе! Больно-больно! Всё проходит, но остаётся право мерить время с собственной колокольни.

Ты в меня не верил. Горел, как факел. И тогда... меня «пробирало» тоже. Мы взрывные оба (порой – до «драки»). И вздыхала мама: «Как вы похожи!»...
Помнишь, папа? – Мир в одночасье рухнул. Мы на людях оба держались прямо. А потом ревели с тобой на кухне до утра, вдвоём, поминая маму...

«Отказало сердце...», «сгорел от нервов...» –
что слова? – Сквозняк из открытой двери.
Первый день – без тебя, первый август, первый...
До сих пор никак не могу поверить!
Так бывает – корни срослись друг с другом.
Оторвёт и... – в бездну! – Слепым маршрутом!

...мир лупил мне в спину волной упругой, трепетал под куполом парашюта. Шёл АН-2 на взлёт. Остро пахло ветром. – Этот чёртов ветер всю душу выжег! И синели тысяча триста метров от броска «Пошёл!» до команды «Выжить!», – стиснув зубы, молча – без лишних стонов.

– Упаси ты, Господи, от бессилья!
Если горе – море, то в нём не тонут,
сквозь него проходят, ломая крылья.

Отпустило, будто во тьме кромешной
прочиталось кожей: «Вставай... и – дальше!».
– Ты мне снишься, папка, родной и здешний,
но... в меня не верящий, как и раньше.

У меня всё та же – своя – дорога,
даже если камнем лежу на дне я.
Верю, папа, верю – тебе и Богу.
И опять встаю, становясь сильнее.

4 место

Конкурсное произведение 96. "Кофейня на улице Клююви"

Все задачи решатся, исчезнут вопросы,
Мне однажды наскучит пустыми словами играть.

Автор: Оргкомитет
18.12.2015 20:00

 В этот день я, наверно, покину Васильевский остров
И в кофейню на улице Клююви приду умирать.

Рано утром в кофейне обычно немного народа:
Пара заспанных шведов, старушка одна или две.
Там писатель старинный стоит, как швейцар, возле входа,
И печальная птица всегда на его голове.

Запах кофе смешался в то утро с твоим ароматом.
Мы в кофейню зашли и читали друг другу стихи.
О, мой Бог, как хотелось остаться с тобой навсегда там.
И не надо ни Рыбного рынка, ни местной ухи.

"Лошадка Фегеляйн
Резвится у пруда.
Собачек нежный лай
Доносится туда.

Пичужка Нахтигаль
Поёт "чирик-чирик".
Грызёт ржаной сухарь
На лавочке старик".

Та кофейня была для меня как преддверие рая.
Нас с тобой разделяло всего лишь пространство стола.
А потом зазвонил телефон. Ты вздохнула: "Меня вызывают.
Мне сказали, что надо идти". Поднялась и ушла.

Позабыв со стихами тетрадку, я выскочил на Эспланаду,
Как собака на запах бросался туда и сюда.
Но писатель и птица сказали: "Не бегай, не надо.
Всё ушло в никогда, всё ушло в никогда".

И потом много лет горевал оттого, что тогда я
Не успел дочитать тебе стих про гортензиевый сад.
Мне б ещё пять минут, но теперь-то я знаю,
Ты уже никогда не вернёшься назад.

В ту кофейню, где дни и минуты навечно застыли,
Рано утром в преддверие рая приду умирать
И почувствую твой аромат от Марии Кандиды Джентиле,
И найду на столе со стихами тетрадь.

"Бенгальский тигр Антон
Свиреп и полосат.
Неслышно входит он

В гортензиевый сад.

Зрачков холодных сталь,
Рычание и крик.
Прощайте, Нахтигаль,
Лошадка и старик".

5 место

Конкурсное произведение 62. "Пеон третий"

ветер гонит облетевшую листву и
то разбрасывает, то сгребает в ворох.
если я на самом деле существую
в отражённом свете тех, кому я дорог,
бледной тенью в их сиянии и блеске,
будто на сетчатке глаз пятно слепое,
значит, проводы друзей, родных и близких –
бесконечное прощание с собою.

6 место

Конкурсное произведение 236. "Играй, Янис!"

Было... то ли – четырнадцать, то ли... – не верю! Зеленело по-майски. Кипели сады. Мы открыли бутылку отцовского «Шерри», а в «остаток» долили из крана воды. Если «предки» придут – никаких покаяний! Будет «дело – труба», всё равно не робей!
...а за стенкой сосед мой – рассеянный Янис – заунывно и нудно играл на трубе.

Что там дальше не сбудется? – Рано итожить. Сколько жить, сколько плыть до последней черты! Майский город исхожен и так же надёжен, как, казавшийся вечным, родительский тыл. Всё пока нипочём – не по-взрослому просто. Помнишь песню «про зайцев»? – Кругом трын-трава!

...а вдали – нарастающий гул девяностых, горечь гари уже различима (едва).
Дальше? – Новые улицы, новые страны. Янис (с новой трубой) в ножевой тишине – на другом берегу обнажившейся раны.
– Хоть о чём говори, но молчи о Стране!

Время выло по-волчьи, скулило по-лисьи, продиралось сквозь дебри, сбивалось с пути. Уходили родные, и падали листья. Только Янис играл – хоть трава не расти! – Ничего, кроме звуков трубы «судьбоносной»...
Расстреляв все снаряды, как гордый «Варяг», выцветаешь лубочным рисунком с берёзкой пожелтевших времён своего букваря...

Выйдешь в Город – чужой, но... любимый до дрожи! Ощущаешь всей кожей, дожив до

седин, что и «малая родина» – Родина тоже (пусть – не солнце – карманный фонарик в груди). Просто все мы – и Ли́га, и Янис и Саня – смотрим (так оно кажется) в «самую суть», в нашу общую почву врастая корнями, как берёзы и сосны – в латгальском лесу. Пусть шершавый акцент застревает в гортани... Лучше б – росчерком, школьным пером – на судьбе:
– Све́йки, ка́йминьш!* Мой добрый стареющий Янис!
Ты себя береги и... играй на трубе!

_____
В переводе с латышского – Здравствуйте, сосед!

7 место

Конкурсное произведение 230. "Под токованье птицам отдан сад"

Под токованье птицам отдан сад,
но силу тока не назвать в амперах.
Пуская за разрядом вновь разряд,
искрит гортань, оправленная в перья.
Рукоплеща без устали, с утра
звенит бузинник, музыкой пронизан,
орешника пульсирует кора,
внимает дом, вибрируя карнизом.

Колоратур и трелей череда –
куда там окарине и гобою –
свиваются над крепостью гнезда,
короне уподобившись; любое
гнездо – отчасти нимб, венец, кольцо
из тёрна с дёрном, символ постоянства.
На дне его покоится яйцо
округлой оккупацией пространства.

Под замкнутой сферической кривой,
слабей луча и звука невесомей,
колышется и спит под скорлупой
одна из самых странных анатомий.
В укромном уголке, где все углы
закруглены, лежит и дремлет, зрея,
не смерть кощея на конце иглы,
но маленькая певчая трахея.

И как постичь, что этот сонный плод,
набор сырья: желток, белок, канатик, –
немногим позже бойко запоёт,
вспорхнув на клён в какой-нибудь канаде,

что вызреет таинственная связь
меж вязкостью и связками, сквозь стенку
проклюнется, взлетит, оборотясь
миниатюрной кузницей акцентов:

мембрана, наковальня, язычок,
удары молоточка, блеск и россыпь.
И если он когда-то на плечо
доверчиво присядет и попросит
за чик-чирик в туннеле декабря,
подай ему, – всего-то крошки грошик.
Пусть свищет вечно, воздух серебря,
пернатый бессеребренник-художник.

Блажен, кто подаянье близ фрамуг
смиренно собирает на кормушках,
отдаривая музыкой, кто звук
даёт увидеть в росписях воздушных.
Им всем завещан заповедный сад,
а в нём, как шёлком, щёлканьем расшитом,
щеглы порхают, иволги царят
и зёрнышками хлебников рассыпан.

8 место

Конкурсное произведение 60. "Артефакт"

...и нашёл Ваня во поле артефакт,
то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чё,
вроде камень как камень, тяжёл, покат,
вроде чёрен снаружи, снутри – печёт.

Он, согревшись теплом, воротился в дом,
стал тот камень чудной так и сяк вертеть.
Почесавши в затылке, постиг с трудом:
жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он тот камень пытал топором-пилой
(а ему говорили: «Семь раз отмерь!»)
поливал самогоном, крутил юлой.
Жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он потом попытался его продать,
но не греет других, в их руках – как лёд.
Для него предназначен судьбой, видать,
посторонних не трогает, не берёт.

А когда за Ванюшей пришла она,
в балахоне, как водится, и с косой,
он, взяв камешек, выпрыгнул из окна
и поплёлся за ней по росе босой.

Страх ко страху, вестимо, ко праху прах,
что ж теперь голосить, поносить судьбу.
Положили тот камень в его ногах –
так ему и поныне тепло в гробу.

9 место

Конкурсное произведение 310. "Чаепитие перед грозой"

Навязчивый стоп-кадр из допотопных пор,
где льётся разговор, где мы за чаем – вместе,
где солнечный зрачок глядит на нас в упор
под мрачной чёлкой туч, нависшей над предместьем,

где вдруг запечатлел луча случайный блиц,
над черепицей крыш сверкнувший одиноко,
как мы цветём внутри невидимых теплиц,
не ведая пока отпущенного срока.

Малина, абрикос, крыжовник, - витражи
всей радугой цветов сплелись в оконной раме.
Непрочное стекло, под ветром не дрожи.
Какой-то странный свет пульсирует над нами.

Взорвался небосвод, и вспыхнуло окно,
и все поражены иллюзией единой.
И лишь твоё лицо бледно, оплетено
крестом витражных рам, цветною паутиной.

И обречённость глаз, и утончённость скул
в нечаянных чертах вечерний свет наметил,
как будто дождь пыльцу обыденности сдул
с засохшего цветка, и стал он свеж и светел.

10 место

Конкурсное произведение 118. "Крест"

О чем, стыкуя кипарис и певг,
подумал, человек из Иудеи,
пока фуганок пел,

верстак кипел...
Отдать заказ и не коснуться денег,
забыть,
смолистых не считать стволов,
порезанных на брус и на консоли.
...вот кровь на пальцах, как же это
кровь,
чужая словно, вышла прежде боли.
А для подножья взять пьянящий кедр,
как жало гвоздь чернеет на подножье,
и шкурить, шкурить каждый сантиметр,
не для цены, а так,
во славу божью.

Однако же, какая духота,
томится человек из Иудеи.
Мерещится дорога и вода,
и голый певг, до заболони — тенью,
не ведающей места на земле,
родившейся, должно быть, прежде тела...
такой ни воплотиться, ни истлеть,
а будто чьим-то саваном задела.
И поспешает прочь
от мастерской
испуганный прообразом, идеей,
чужой и настигающей судьбой
достойный человек из Иудеи,
ремесленник, отец
и добрый сын,
поборник правоты в житейском споре.
И на ходу выкидывает клин,
откол сосны, уже пустивший корень.

Александр КУЛИКОВ. ТОП-10 "Кубка Мира - 2015"

Автор: Оргкомитет
18.12.2015 20:00

	Евгений МИНИН	Александр СПАРБЕР	Евгений ЛУКИН	Михаил ДЫНКИН	Сергей ПИЧУГИН	Борис ГРИГОРИН	Михаэль ШЕРБ	Вадим ГРОЙСМАН	Галина КЛИМОВА	Владислав СЕРГЕЕВ	Виталий АСОВСКИЙ	Сева ГУРЕВИЧ	Марина КУДИМОВА	Александр КУЛИКОВ	Ирина ЦЫГАЛЬСКАЯ	Дмитрий ЛЕГЕЗА	Бахыт КЕНЖЕЕВ	Ольга ЕРМОЛАЕВА	Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ	Валерий ДУДАРЕВ	Виктор КУЛЛЭ	Андрей КОРОВИН	Михаил ЮДОВСКИЙ	Михаил ГОФАЙЗЕН	Ларика ЙООНАС
21. ЭНСК	7		5		5						5														
25. РЕЛЬСЫ-РЕЛЬСЫ																									
29. ЛИСТЬЯ																									
34. АЛТАРИ						5				5															
37. ШИПОВНИК					8	5																			
50. НЕ НАВСЕГДА		5		8	5		5		8	5	8	8		11											
54. ПАПЕ												5		8											
58. ЖАЖДА	8					5				8															
60. АРТЕФАКТ			8	5			7			5	5	9		5											
62. ПЕОН ТРЕТИЙ		5	5					11	5	7	9	5		5											
91. РЮГЕН																									
96. КОФЕЙНЯ НА УЛИЦЕ КЛЮЮВИ		11	5				5				5			7											
112. ОЗЕРО			5	5	9	5																			
118. КРЕСТ		8	9	9	5				9				11	5											
123. ПРОЩЕ																									
130. ХАЙМЕЛЕ						11																			
140. ГОЛОС ЗА ПРЕДПОСЛЕДНИМ КАДРОМ		9					5			11															
148. КРАСНЫЙ ЛЕС	5	5		11			8	5		5															
160. 31 ДЕКАБРЯ	5						5		5				9												
188. ПРО СЧАСТЬЕ					5					9															
192. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ									5		5	5													
216. ЗА ДОМОМ ЗАСНЕЖЕННЫЙ САД	5	5	7		5	5	9		5																
220. МОЛИЛАСЬ СИНИ			5							5															
230. ПОД ТОКОВАНЬЕ ПТИЦАМ ОТДАН САД		7	11		11	8	11	7	11			11		5											
232. СКРИПАЧКА	5	5			7						7	5													
236. ИГРАЙ, ЯНИС!			5	5					5					5											
268. КОТОВЫЕ СУМЕРКИ	5					9	5			5															
281. СНЕГ СВЕЖЕВЫПАВШИЙ...																									
285. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК												7	8												
298. АЮТТАЙЯ		5		7			5	9	5		5	5		9											
310. ЧАЕПИТИЕ ПЕРЕД ГРОЗОЙ	5					5								5											
312. ВЕРСИЯ МАРСИЯ					5	7		8	7		5														